

ВЫЙТИ ИЗ РЕКИ...

Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши.
(1 Ин. 2,19)

Это эссе вызвано «мировоззренческим зудом», который стал появляться в последнее время после обычных интернет-мониторингов церковных сайтов. Оно имеет своей целью объяснить и «переварить» то, что условно можно назвать «феноменом Кураева» (речь, конечно, в данном случае не только об одном отце Андрее – о ряде схожих явлений, наблюдаемых в современной церковной жизни). Недавно, общаясь в среде простых прихожан и церковной интеллигенции, я вдруг понял, что Кураева в обоих обществах уже не воспринимают как «своего». Т.е. диакон, не хотя и не желая, невольно «вышел из реки». Причем, речь идет не о церковных маргиналах (которые давно поделили Церковь на «своих» и «не своих»), а о вполне адекватных прихожанах, обычно олицетворяющих «нормального православного».

Конечно, я не претендую на то, чтобы отобразить мнение большинства, и мой круг общения не выражает мнение вселенской Церкви. Я просто поделился неким собственным наблюдением. Подсмотрел в замочную скважину... И раз факт этого некоего «внесоборного консенсуса» имеет быть, нельзя себе не задать вопрос: почему? Почему внутреннее церковное самосознание стало воспринимать его как внешнего? Речь идет не о потере веры и не о сознательном уходе из Церкви (таких «ушедших» хватает – только ткни мышкой в комп) – этот уход психологически понятен и объясним. Здесь другой случай. Человек теряет образ христианина, перестает восприниматься как христианин, невзирая на его декларации о самом себе, характер речи (можно хоть через слово цитировать Священное Писание) и наработанный авторитет. Какие внутренние перемены производят в человеке подобную метамарфозу? Что делает христианина – христианином? Священника – священником, диакона – диаконом? Где опорные точки, внутренние вехи внешних деклараций?

Начнем издалека. Во-первых, когда перед именем человека добавляется приставка «диакон» или «священник», церковное сознание автоматически начинает воспринимать его в первую очередь как «человека богослужения» (не случайно сан чаще всего ставится перед именем). И если внешнее поведение не соответствует этой приставке – внутри обычно загорается красный огонек диссонанса. Что такое «человек богослужения»? Это живой символ (далее: ищите определение термина «символ» в православии). Говоря светским полуаккультным языком (такой язык понятнее современному обществу) – это контактер с Богом, своего рода «медиум» (да простят меня борцы с оккультизмом за использование этой терминологии – неоднозначно, зато ярко). И именно этим предназначением определяется в первую очередь восприятие человека церковной средой. Сан по определению должен быть главным определяющим фактором деятельности, он не может быть незначительным прибавлением. Человек в сани – священен. Но эта священность – не его заслуга или личная собственность. Это дар. Ни он, ни кто другой не властен его попирать. Я понимаю, что сейчас внешним нетрудно посмеяться над подобным отношением. Но фактически в Церкви оно всегда существовало и будет существовать, опираясь на присущее христианам чувство священного.

Дошлым критикам невдомек, на что тратят основную часть своего времени священники, епископы и даже сам Патриарх. Нет, не на твиттеры и фейсбуки, не на корреспондентов и СМИ, не на чтение и общение (это было бы журналистам вполне понятно). И не на выбор и покупку дорогих машин, часов и чего-то там еще дорогого, не на строительство дач и резиденций, не на гонки на иномарках и не на отдыхи на курортах... И даже не на то, о чем пишет Кураев в своем ЖЖ (всего перечислять здесь тактично не будем). Не на все то, что с упоением описывают в своих опусах господа критики. Достаточно «сосканировать» рабочий график самого нерадивого священника и

самого несимпатичного епископа, и мы увидим, что солидная часть времени и большая часть сил у клириков уходит, как это не странно, на... молитву и богослужение. Как ни крути...

Но вот о богослужении то, как раз, пресса обычно не пишет. Потому что оно непонятно и неприятно для них. Ведь чтобы о нем написать, нужно на нем присутствовать, нужно его знать. Попробуйте, заставьте наших доморожденных папарацци походить на все службы вслед за очередным, намеченным ими кандидатом на роль «оборотня в рясе»? Через неделю они запросят допдаек и молоко «за вредность». А через месяцок или убегут, сломя голову и побросав свою аппаратуру, или «откинут копыта» – от чрезмерной концентрации «мракобесия» в местах совершения богослужения... Как сухопутное животное, случайно оказавшееся на глубине и не умеющее плавать. Поэтому проще – за машинами подсматривать.

Итак – жизнь вокруг богослужения. По факту это так. Таковы рабочие будни и праздники клирика. И в священники идут не от желания в рясе покрасоваться и денег заработать – а от любви к богослужению и молитве. Потому, что если этой любви нет, то жизнь священника превращается в постоянную муку – попробуйте сами. Именно этим обычно и объясняется уход священнослужителя из Церкви – на «общественное поле». Хотя внешне можно декларировать множество самых различных причин. На самом деле главной реальной потерей при уходе из Церкви для клирика является отлучение от службы (или главным приобретением – если богослужение ненавистно). Все дело в иерархии приоритетов. Если человек любит богослужение – он многим готов жертвовать, лишь бы стоять перед Престолом. И если человек ушел – как правило это объясняется сокровенной нелюбовью к тому делу, которому он в сане обязан посвящать большую часть своего времени.

И у большинства стоящих у Престола волей-неволей формируется то, что можно назвать «богослужебным образом бытия». И на окружающую действительность они смотрят как бы сквозь богослужение. Это то, что обычно непонятно светскому наблюдателю, что не видно со стороны. Та подводная часть айсберга, на которую не взглянуть, не окунувшись в океан церковной жизни, не нырнув «в глубину». Этим объясняется взаимное непонимание в оппозиционной паре «журналисты↔клирики».

Итак, существование в «богослужебной системе бытия» приводит к появлению феномена, который условно можно назвать «человек молящийся» (*homo orans*). Богослужением и литургическим бытом в нем формируются узнаваемые качества, соответствующее мировоззрение, образ общения и отношений с окружающими и еще много чего. Формируется личность – внутренний и внешний человек. О качествах этого человека мы и поговорим.

Как правило, «человек молящийся» – это «человек молчащий» (*homo silentium*). Речь идет о «молчании вовне». Объясним, почему. Богослужение однозначно формирует интроверта. И хотя священник безусловно является «человеком слова» (отсюда часто встречающаяся в богослужебных текстах просьба «избавить от бессловесия»), но слово это весьма специфично и имеет особый характер. Оно не предназначено для употребления в несакральной среде (поэтому «словесные» клирики в большинстве своем беспомощны в современном интернет-пространстве). Большинство богослужебных сакральных языков – это «языки слушающего» (а не «языки говорящего» – по классификации Б. А. Успенского). Богослужебная словесность – это не столько слова, обращенные к Богу, сколько слова, данные Богом. И священник в данном случае скорее слушатель. Просьба об избавлении от бессловесия – прошение о том, чтобы слова Божии стали понятны священнику, усвоены им, стали его собственными словами. Это трудно объяснить... В любом случае словесность богослужебную и словесность светскую почти невозможно сочетать. И потом, священник призван «транслировать» Божественную премудрость. А показателем мудрости во все времена считалось молчание. Об этом, кстати – недавно вышедшая замечательная книга М. Михайловой «Эстетика молчания» (М., 2011).

А как же тогда проповедь?

Еще древнегреческие философы условно делили «все человеческое» на праксис и феорию. По аналогии, рассматривая образ христианина, можно (сильно утрируя, конечно) совокупную деятельность христианина в отдельности и Церкви в общем разделить на две большие части: молитву и миссию. Т.е. на внутреннюю деятельность, и внешнюю. Всякий христианин призван сочетать в себе двух «внутренних человек» – молитвенника и миссионера, «человека молящегося» и «человека проповедующего» («человека говорящего»). Но можно ли сочетать трудносочетаемое или несочетаемое? Можно ли объять необъятное?

У каждого получается в меру сил. «Человек молящийся» и «Человек проповедующий» – категории, соединяемые в формате одной личности. У кого-то перевешивает одно, у кого – другое. При чрезмерном «перевешивании» и в том, и в другом случае бывают рецидивы. Рецидивы «чрезмерной молитвенности» известны – повторять не станем. Но остановимся на обратном случае – когда миссионер «перевешивает» молитвенника. «Ведущая» половина начинает «подминать» под себя «ведомую». В этом случае сокращается и искажается молитва, богослужение – как нечто мешающее. Но главное – искажается сам человек.

Для проповеди необходимо слово. Проповедник – человек говорящий (*homo loquens*). Пародоксально, но *homo silentium* вполне соединим с *homo loquens*. Как можно соединить молчание со словом? Слово проповедника происходит непосредственно от богослужения и от Слова Божия. Человек молчит – Бог говорит. Слово проповеди рождается богослужением (собственно оно изначально – часть богослужения) и его можно назвать современным проявлением глоссолалии.

Но это – в идеале. Реально проповедь довольно часто «отрывается» от богослужения и Слова Божия и начинает самостоятельную жизнь. И это, на каком-то этапе – соблазн. Это начало пути от «человека говорящего» к «человеку болтающему» (*homo garrulitas* – человек сплетни). Тогда слово выхолащивается. Меняется сам характер слова. В конечном случае слово теряется, исчезает словесное бесстрашие и появляется словесная страстность. И вслед за ней характерный вал соблазнов: предвзятость, идеологичность и политизированность, бесконечное осуждение всех и вся, словесная распущенность, пошлость, тщеславие, глумливость, безжалостность, надменность. И, в конечном счете – гордость и ложь. Таковы «соблазны слова»; по известной пословице: *Ради красного словца не пожалеет и отца* (последнее слово смело можно написать с большой буквы).

Итак, рецидивом «обратной стороны» является ситуация, когда во внутреннем сражении «миссионер убивает молитвенника», внешнее превалирует над внутренним. Результатом бывает словесный соблазн, который во многом происходит от соблазна публичности. Перед этим соблазном публичности обычно оказывается всякий проповедник. Это выбор – выбор между богослужением и общественной деятельностью, выбор между сакральным пространством и пространством информационным. В конечном счете это спор между «человеком богослужения» и «публичным человеком». Характеристики этих двух типажей попробуем сравнить.

«Человек публичный» онтологически не способен сочетаться с «человеком богослужения». Потому что «человек публичный» своим богослужением сделал интернет и СМИ. Предстоящий перед Престолом предстоит главным образом лицом к Богу, и лишь изредка – к молящимся. Предстоящий перед интернет-аудиторией (к примеру) – лицом к аудитории. И направление взгляда – диаметрально противоположно, отметим это. Выбор недвусмыслен – перед кем предстоять... Человек богослужения невольно стремится расширить границы сакрального, в идеале – весь мир сделать храмом. Человек публичный – скорее наоборот. Он стремится к десакрализации, ему непонятна и неприятна сама категория священного, потому что она соприкасается с тайной и никак не поддается «публицизации».

У «человека богослужения» формируется навык открытости, прозрачности перед Богом (и навык разумной скрытости в отношении окружающих – он определяется Евангелием, напомним). У

«человека публичного» – в лучшем своем проявлении – стремление к показной открытости перед людьми. Иначе никто слушать не станет (чаще всего лишь создается иллюзия открытости). В обоих случаях различна «механика бытия». Мотивация – чаще всего противоположна. Если провести умозрительное «сканирование» внутреннего человека у обоих типажей, то обнаружится, что «траектории» возникновения и развития чувств, мыслей, ощущений принципиально отличаются. Внешние проявления и реакции – еще в большей степени.

У «человека публичного» и «человека богослужения» различны мировоззрение, мироотношение. Вообще основные внутренние «контрольные точки» – диаметрально противоположны. У «человека богослужения» они определяются во многом евангельской нравственностью и церковными наработками. К примеру, основной «вектор оценки» у «человека богослужения» – осуждение себя и несуждение (неосуждение) других (без суждения и осуждения современная светская журналистика сразу умрет). Аскетический компонент богослужения приучает к сдержанности во всем: в чувствах, в словах... (чувственная буря никогда не выпускается наружу). Человек публики чаще всего – ураган чувств. Этическая система богослужения (например, чины прощения) формирует в «человеке богослужения» соответствующую внутреннюю и внешнюю этику, которая узнается. Есть целая система табу, которые почти интуитивно соблюдаются. Это и эстетические приоритеты (у «публичного человека» – в противоположность – в ходу приемы актуального «искусства» как самого действенного способа привлечения внимания). В «информационной войне» часто почти автоматически у христианина срабатывает механизм «подставления второй щеки», к примеру. Или – жалости к поверженным.

Получается, каждый воюет по своим правилам. Это не значит, что Церковь проигрывает. Но это почти всегда означает, что результат этого сражения для внешних людей будет выглядеть как проигрыш Церкви. По крайней мере – первое впечатление.

А как хочется выиграть! И миссионер готов «играть» не по нашим правилам, готов заимствовать чужое оружие. И, заимствуя чужое, он постепенно сам становится чужим. Упомянутые внутренние точки – это критерии идентификации «своих». Когда эти «точки» начинают ползти, съезжать – это сразу замечается. И «барометр падает». У о. Андрея Кураева есть несколько поэтичных фрагментов – «оправданий миссионера» (самый ранний фрагмент, на моей памяти, в предисловии к книге «Традиция, догмат, обряд» – 1995 г.). Конечно, миссионер – это воин с передовой, ему многое позволено, многое прощается! Но с каждым разом оправдываться все труднее и труднее... Исчезает передовая, и воин превращается сначала в партизана, потом в шпиона, потом в двойного агента... Стоит ли так воевать?

И последнее. «Человек богослужения» – это всегда человек системы, потому что Церковь изначально иерархична (по образу Небесной Иерархии). Это выпитывается с молоком матери. «Человек публики» обычно без-иерархичен – особенно сейчас это в моде. Почему? Иерархическое «перемешивание» – обязательный компонент деятельности одного из подвидов «человека публичного», который появился сравнительно недавно, на грани веков. Это тип т.н. правозащитника. И деятельность Кураева очень напоминает современное правозащитничество – это «проекция» правозащитничества на Церковь. Но в Церкви вряд ли возможно подобное явление – ибо это деятельность по разрушению структуры как таковой. Если не обращать внимания на внешний яркий пафос борьбы за правду (это лишь внешняя пена), сущность подобного «делания» – деструктуризация (как, впрочем, и правозащитнической деятельности – ее направленность на разрушение государства, по-моему, уже ни у кого не вызывает сомнений). Борьба за правду от правозащитничества отличается в той же мере, как соборность от демократии. И Церковь – Богочеловеческий организм – неизбежно извергнет из себя семя разрушения. Ибо это семя невозможно усвоить, рецептировать, переварить...

Ну вот, написал последний абзац (он предполагался последним), прочитал – и ужаснулся. Какой потрясающий материал для критиков Церкви! *«Вот – еще один проговорился! Для них главное – система! Один из них увидел, что система прогнила – и его сразу анафемствуют!»* И ответить им

ярко и красиво, увы, не получится. Потому что шелуха слов застит глаза. Потому что все равно не поймут! Хорошо, попробую объяснить хотя бы для своих. Дело не в «корпоративной солидарности». Просто есть вещи негниющие. Бог может умереть только в больном мозгу Ницше. Не может устареть Евангелие, евангельские нравственные истины, к примеру. Не могут «подгнить» вечные истины о Боге. И Церковь, Им основанная – не гниет. Гниют иногда отдельные члены. А общие законы, взаимосвязи, структура – укоренены в Небе – как нетленный Божественный кристалл. Кристалл можно закидать грязью. Но, дождись сезонного дождя – и он снова засияет во всей красе. Это то, что называется верой в Церковь и исповедуется христианином ежедневно в Символе веры. И – «врата ада не одолеют ее». Но радость этого исповедания доступна, увы, не всем. Феномен веры трудно объяснить, как невозможно объяснить чудо. Просто – другая система координат.

Последний абзац все-же – наутро. Поднялся с кровати, а в голове остатки сна. Смутные образы: оторванный от дерева ветром лист, записки на манжетах, вырванная из блокнота страница... Ограниченность и оторванность. Боль и обида. А вдаль – дым от костра: костер из книг... Я не смогу закончить эту статью по правилам филологии: заключением и выводом из сказанного. Она так и останется страницей, вырванной из блокнота. Почему? Потому, что в сердце живет надежда на то, что можно что-то вернуть назад? Переписать заново? Ведь мы выросли на Кураеве! Где ты теперь, *юноша нежный со взором лучистым?*